

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	61
Глава 5	84
Глава 6	102
Глава 7	120
Глава 8	130
Глава 9	150
Глава 10	174
Глава 11	194
Глава 12	212
Глава 13	234
Глава 14	253
Глава 15	276
Глава 16	288
Глава 17	310
Глава 18	331
Глава 19	343
Глава 20	360
Глава 21	370
Глава 22	392
Глава 23	421
Глава 24	437

ГЛАВА 1

Я поступил на работу, как только окончил семилетку. К счастью, для меня нашлось место в брокерской конторе. Я всегда был на короткой ноге с цифрами и в школе за год освоил трехлетний курс арифметики — лучше всего у меня получалось считать в уме. Мои рабочие обязанности состояли в том, чтобы в торговом зале мелом записывать текущие биржевые котировки на гигантской доске. Как правило, кто-нибудь из клиентов сидел рядом с телефоном и оглашал котировки. Я без труда запоминал их, ведь с числами у меня всегда все было замечательно.

Кроме меня в конторе было еще много сотрудников. С некоторыми из них у меня, конечно, сложились приятельские отношения, но, когда на бирже дела шли бойко, я был так занят с десяти до трех, что не оставалось времени даже перекинуться словечком с коллегами. Но я не особо расстраивался — работа есть работа.

Она захватила все мои мысли. Для меня котировки не означали стоимость акций — такое-то количество долларов за штуку. В моем уме они были просто цифрами. Естественно, с неким собственным смыслом. Котировки все время менялись. И меня увлекала только поразительная изменчивость сама по себе. Почему так происходит с цифрами? Объяснения у меня не было. Да и какая разница, решил я и не

стал углубляться в вопрос. Я просто отмечал, что это происходит, и пять часов подряд в будние дни и два часа по субботам размышлял только об одном — что они постоянно меняются.

Так у меня впервые возник интерес к движению биржевых цен. Я уже говорил, что природа наделила меня отличной памятью на числа, и я помнил во всех подробностях, как изменялись цены накануне, перед тем как перейти к росту или падению. Моя любовь к устному счету очень мне помогла.

Я заметил, что котировки акций, росли они или снижались, как правило, демонстрировали, скажем так, конкретные привычки, или закономерности. Я довольно часто замечал те или иные повторяющиеся особенности поведения акций и мог делать выводы на основании прецедентов. Мне было только четырнадцать, но даже мои не слишком долгие наблюдения за поведением акций убедили меня, что я нашел верные закономерности благодаря сравнению изменения котировок в разные дни. Не прошло много времени, как я уже умел предугадывать движение цен. Единственное, на чем основывались мои прогнозы, как я уже говорил, — предшествующие колебания цен. Вся нужная информация была у меня в голове. Это похоже на то, как делают ставки на скачках. Я подбирал акции, которые «улучшали форму», и «хронометрировал» их.

К примеру, можно поймать момент, когда покупать немного прибыльнее, чем продавать. На бирже кипит битва, и лента телеграфного аппарата (тикерная лента), будто подзорная труба, дает возможность отслеживать происходящее. В семи случаях из десяти она не подводит.

В самом начале я уяснил: на Уолл-стрит глобальных перемен не происходит. Ничего нового и быть не может — спекуляция существует с начала времен. Ситуация, которая сложилась на бирже сегодня, бывала и раньше и не раз сложится потом. Каждый случай на бирже я отлично запоминаю. Стоит приложить немного усилий, и в памяти всплывают время и обстоятельства произошедшего события. Память позволяет мне получать доход от своего основного капитала — личного опыта.

Я до такой степени погрузился в свою игру и с таким увлечением пытался предугадать повышение и понижение курсов активных акций, что завел отдельный блокнот, куда заносил свои наблюдения. Это не были записи о воображаемых миллионных сделках, которыми забавляются многие без риска разбогатеть или прогореть. Скорее, дневник, где я записывал мои успехи и просчеты. Волновала меня в первую очередь точность моих прогнозов и выводов: прав я или нет.

Память позволяет
получать доход
от основного
капитала — личного
опыта.

Допустим, разобрав изменения котировок активных акций за день, я приходил к заключению, что цены ведут себя так, как обычно вели себя перед скачком на 8-10 пунктов. В таком случае я, к примеру, в понедельник отмечал в своем блокноте сегодняшнюю стоимость определенных акций и, вспоминая их предыдущее поведение, делал прогноз их стоимости на вторник и среду. После чего сверял свои оценки с настоящими данными, полученными от биржевого телеграфа.

Вот и причина моего живого интереса к сведениям от биржевого телеграфа. Колебания котировок, отраженные на тикерной ленте, изначально вызывали у меня ассоциации с движением вверх или вниз. Конечно, на колебания всегда влияют какие-то факторы, но лента телеграфа не может ответить на вопросы «зачем?» и «по какой причине?». Она не выдает версий и пояснений. Я не задавал ленте вопросов в 14 лет, не задаю и сейчас, спустя четверть века. Бывает, нужны дни, недели, даже месяцы, чтобы всплыли причины сегодняшнего поведения каких-то акций. Да так ли это важно? Принимать во внимание колебания котировок надо прямо сегодня, не завтра. С поиском причин можно повременить. Если не начать действовать сразу же, тебя оставят позади. Вот такой итог моих непрерывных наблюдений. Скажем, берешь на заметку, что сегодня акции какой-то компании по непонятной причине опустились на три пункта, а на рынке в целом в то же время отмечался резкий рост. Это действительно так. Вскоре всплывает информация, что директора компании приняли решение не платить дивиденды. Что ж, весомая причина. В правлении знали, что делали. Даже не сбрасывая ценные бумаги своей компании, они не занимались их скупкой. Раз инсайдеры не покупали акции, оставшиеся без поддержки ценные бумаги, естественно, упали.

Я вел свой подсчет попаданий и промахов около шести месяцев. После работы я не торопился покинуть контору, а заносил цифры, привлекая мое внимание, в блокнот, анализируя колебания, постоянно находя совпадения и соответствия в поведении акций. Одним словом, я осваивал чтение тикерной ленты, даже не понимая этого.

Как-то раз во время обеда ко мне подсел один из сотрудников, старше меня на несколько лет, и негромко спросил, нет ли у меня свободных средств.

— С чего такой интерес? — любопытно спросил я.

— Видишь ли, — ответил он, — добрые люди подсказали мне насчет акций Burlington. Я бы рискнул сыграть, но не в одиночку.

— В каком смысле «ты бы рискнул»? — не поверил я своим ушам. В то время я был уверен, что такие игры доступны только клиентам — богатым пройдохам преклонных лет. Для участия в подобных затеях необходимы суммы как минимум с тремя нолями. Это казалось таким же невероятным, как появление у меня личного кабриолета с кучером в черном цилиндре.

— В прямом! Сколько можешь вложить?

— А какая сумма нужна?

— Можно за пять долларов взять пять акций.

— А как ты это хочешь проверить?

— Вложу наши деньги в качестве залоговой маржи. И возьму акции Burlington в бакет-шопе на всю сумму. Не прогадаем! Это как бумажник на улице подобрать. Вмиг прибавим денег!

— Постой.

Я раскрыл свой заветный блокнотик. Меня не так волновала прибыльность предложенной игры, как информация о подъеме акций Burlington. Если сведения верны, в моем блокноте найдутся подтверждения. В самом деле, по прикидкам, поведение ценных бумаг Burlington совпадало с тем, как они вели себя перед повышением курса. Раньше у меня не было опыта ни в покупках, ни в продажах. Я был далек от азартных игр, даже тех, в которые

играют дети. Но я понимал, что это отличная возможность убедиться в точности моих наблюдений и выводов. Я не мог не осознавать, что грош цена моим выкладкам, если они провалятся на практике. Так что я вложил все свои деньги в руки коллеги. Он в одном из бакет-шопов на всю сумму приобрел акции Burlington. Уже к концу недели я сорвал куш — 3 доллара и 12 центов!

Первая удача окрылила меня, и я занялся спекуляциями самостоятельно. Во время перерыва на обед я отправлялся в бакет-шоп неподалеку и что-либо приобретал или продавал — что именно, для меня роли не играло. Важны были принцип и система. Акции, интересовавшие меня больше других, не существовало, а важность чужого мнения сводилась к нулю. Мой ум был занят исключительно математическими подсчетами. Надо сказать, что это был лучший подход для того, кто использует бакет-шопы, ведь там делаются ставки на изменение цен, выдаваемое тикерной лентой.

Прошло совсем немного времени, и игра на колебании курса акций стала заметно доходнее, чем работа на бирже. Поэтому я уволился. Семья поначалу была против, но, разобравшись в причинах, они пошли навстречу. Мне тогда было еще далеко до совершеннолетия, моя работа приносила мало денег. А вот игра стала источником значительно более солидных доходов.

Когда я, пятнадцатилетний паренек, вручил матери свою первую, заработанную меньше чем за полгода в бакет-шопе тысячу, она была сильно взволнована. Мама настаивала, чтобы я отправился в банк и внес деньги на депозит, от греха и искушений

подальше. Она говорила, что не знает случаев, когда подросток моего возраста смог бы заработать такую сумму, не имея за душой ни гроша. У нее были даже сомнения в том, что купюры настоящие. Мама была полна опасений и беспокойства. Я же горел идеей и дальше подтверждать на практике верность моих прогнозов. Было невероятно захватывающе добывать деньги собственной головой! Раз уж я не ошибался, испытывая правильность своих расчетов на десятке акций, то проделать то же самое с сотней ценных бумаг будет в десять раз безошибочнее. Поднимающиеся ставки и увеличивающаяся прибыль лишь подтверждали верность моего подхода. Необходима ли большая решимость для больших ставок? Нет! Никакой роли она не играет. Скорее наоборот: когда в твоём распоряжении всего 10 долларов, надо обладать в разы большей решимостью, чтобы поставить их, чем когда рискуешь суммами в тысячи раз крупнее, имея столько же про запас.

При всем том к шестнадцати годам мои доходы на фондовой бирже были уже весьма значительны. Самыми первыми бакет-шопами, в которых я начинал, стали мелкие конторы, где игрока, бравшего два десятка акций сразу, воспринимали как переодетого банкира или развлекающегося под чужим именем магната. В подобных конторах операции проводились, как правило, честно. Да и к чему жульничать, если находилось немало иных способов нажиться на клиентах, даже при условии, что они верно оценивали колебание курса. Дело было невероятно доходным. При соблюдении законов выгода бакет-шопа обеспечивалась происходящими изменениями курса, срезающими некрупные ставки. Если залоговая

маржа всего три четверти пункта, хватает небольшого изменения котировок в обратную сторону, чтобы она оказалась перекрытой. Игроки, которые хотя бы однажды ушли, не расплатившись по долгам, навсегда теряли возможность воспользоваться услугами бакет-шопа.

Я работал один, нужды в партнерах по бизнесу у меня не было. К чему мне компаньоны, когда все, что требуется для работы, заключено у меня в голове? Курс акций либо будет изменяться по моим расчетам, либо нет. Ни в том, ни в другом случае наличие помощников никак не повлияет на ситуацию. По этой причине свои дела я вел самостоятельно, никого не привлекая и не задействуя. Друзья, естественно, у меня были, но я не посвящал их в тонкости своего бизнеса.

Конечно, мои постоянные выигрыши очень быстро сделали меня, мягко говоря, не самым желанным гостем бакет-шопов. Мои ставки отказывались принимать, отсылая в другие заведения. В ту пору я и получил репутацию юного хвата. Я вынужден был кочевать из одного бакет-шопа в другой и делать ставки у разных брокеров. Бывало и такое, что мне приходилось даже указывать ненастоящее имя. Первый мой заход всегда был скромным — не больше 20 акций. Случалось идти на хитрость: когда я замечал подозрительность во взглядах, я специально ставил на проигрышные варианты, чтобы затем уже нажать по-крупному. Само собой, проходило совсем немного времени, и владельцы обнаруживали, что я заметно уменьшаю их доходы, и тут же следовало предложение уйти добром и не мешать им набивать карманы.

Как-то раз, когда меня выставили за дверь весьма солидной конторы, где я делал ставки не первый месяц, у меня возник план забрать у них напоследок крупную сумму. Как я уже сказал, фирма была серьезная и имела множество отделений. Я отправился в отель, где было одно из них. Немного побеседовав с управляющим, я вступил в игру. Едва я начал, в контору позвонили из центрального офиса и поинтересовались, кого в данный момент обслуживает менеджер. С этим вопросом он обратился ко мне, я представился Эдвардом Робинсоном из Кембриджа. Менеджер так и передал начальству. Но там не унимались и потребовали описать мою внешность. Об этой просьбе работник конторы мне тоже сообщил.

— Скажите, что я толстый недомерок с черной бородкой.

Но менеджер предпочел описать мою реальную наружность.

Выслушав ответ начальства, он покрылся красными пятнами, швырнул трубку на рычаг и приказал мне убираться.

— Могу я узнать, что вам ответили? — все-таки спросил я перед выходом.

— Мне ответили: «Болван, ты разве не в курсе, что нельзя связываться с Ларри Ливингстоном? Ты сейчас позволил ему облапошить нас на семь сотен!

Конечно, он не рассказал мне в полной мере все то, что высказало начальство в его адрес.

Мои попытки сыграть в других отделениях тоже закончились крахом — ни в одном из них от меня ставки даже не рассматривали. Более того, просто зайти туда, чтобы увидеть курсы акций, было

невозможно без того, чтобы кто-то из работников не стал выпроваживать меня. Я пытался договориться посещать их отделения изредка и по очереди, но и это не сыграло.

В конце концов единственной фирмой, куда меня еще пускали, остался Cosmopolitan, солиднейшая и богатейшая контора из всех.

Ее рейтинг не мог побить никто, и клиентов у нее было огромное множество. Конторы Cosmopolitan были в каждом мало-мальски значимом городе Новой Англии. Здесь отношение ко мне было таким же, как ко всем остальным игрокам. Почти полгода я совершал покупки и продажи ценных бумаг с переменным успехом. Но итог все-таки был тот же. Меня не выгнали вон, подобно маленьким фирмам, но не из благородства, а потому, что это ударило бы по имиджу компании. На репутации Cosmopolitan могло появиться пятно, если бы стало известно, что клиенту указали на дверь за то, что ему повезло слегка обогатиться. Здесь поступили иначе. Компания сделала все, чтобы затруднить мой путь к успеху. Для начала они подняли залоговую маржу до трех пунктов, после чего с меня затребовали дополнительную оплату в полпункта, затем она выросла до пункта, а вскоре превратилась в полтора пункта. Такая политика позволяла клерку снижать риски при работе со мной. Каким образом? Да элементарно! Допустим, акции U. S. Steel вы приобрели по 90 долларов. В квитанции указано: «Приобретено 10 U. S. Steel по 90 $\frac{1}{8}$ ». Когда ваша залоговая маржа составляет 1 пункт, если цена упадет ниже 89 $\frac{1}{4}$, ваши деньги пропадут. К клиентам в бакет-шопах не обращались с требованием внести дополнительную оплату или закрывать позиции

за доступную сумму. Фирма своей волей закрывала позиции и оставляла себе вложенный залог.

Введением премии в Cosmopolitan перегнули палку. О чем я? Все просто. Если приобретались акции по 90 долларов, в квитанции указывалось уже не прежнее «Куплено 10 Steel по 90 $1/8$ », а «Куплено 10 Steel по 91 $1/8$ ». Получалось, что цена акции могла увеличиться на пункт с четвертью, а я находился бы по-прежнему в минусе, если бы решил закрывать позицию при такой котировке. Сама необходимость вносить залог величиной в три пункта в три раза снижала заем, предоставляемый фирмой, получается, и возможность прибыли.

Так или иначе, Cosmopolitan оставалась единственной фирмой, где я мог получать доход. Выбор был невелик: соглашаться на их условия или оставить бизнес.

Конечно, я и выигрывал, и проигрывал, хотя в целом оставался в плюсе. Но все те меры, которые приняла Cosmopolitan, создав себе невероятные преимущества, не удовлетворили менеджеров компании, пытавшихся выдвинуть меня из игры. Поняв, что я так легко не сдамся, они решили похоронить меня навсегда. К счастью, их план не удался — меня выручило мое чутье.

Cosmopolitan, повторюсь, осталась единственной фирмой, где я мог зарабатывать. Богатейшая среди бакет-шопов Новой Англии, она не лимитировала объем сделок. Наверное, не ошибусь, если скажу, что среди завсегдадаев бакет-шопов я был для них самым опасным. Cosmopolitan не скупилась на оборудование, такой огромной и содержательной доски с котировками я не встречал больше нигде. Целая

стена внушительного по размерам зала была отдана под нее. Здесь были записаны курсы всевозможных акций — от металлов и древесины до зерна и хлопка — с бирж Нью-Йорка, Чикаго, Ливерпуля или Бостона.

Процесс работы бакет-шопов всем давно известен. Клиент отдает деньги менеджеру и сообщает, что намерен продать или купить. Клерк сверяется с тикерной лентой или доской котировок и выясняет там цену акций, естественно, самую актуальную на тот момент. Затем он вносит данные о времени покупки или продажи. В общем, все очень сильно походило на реальный отчет брокера о том, что он, являясь вашим представителем, приобрел или продал некое количество ценных бумаг такой-то компании по такому-то курсу, в указанную дату и время, получив от вас такую-то сумму. Когда вы понимали, что пора закрывать позицию, вам надо было обратиться к менеджеру (к любому свободному или к тому же, в зависимости от правил конторы) и сказать ему об этом. Работник конторы записывал последнюю по времени котировку, либо, если ваши ценные бумаги за это время не проявили активности, ожидал, когда сведения об их курсе будут на телеграфной ленте биржи. Он фиксировал котировку и время, подписывал вашу квитанцию, и вы отправлялись к кассе за причитающейся суммой. Естественно, если колебания курса были не в вашу пользу и убыток доходил до суммы залога, эта позиция закрывалась, и у вас в руках оставалась ничего не стоящая бумажка.

В бакет-шопах мелких компаний, в которых можно было приобрести или продать даже несколько

акций, квитанции были более чем скромными — узенькие листочки, отличающиеся по цвету в зависимости от того, продаете вы или покупаете. В периоды стабильного роста рынка таким заведениям жилось несладко — все игроки ставили на повышение, были «быками» и в большинстве своем получали прибыль. В таких случаях эти конторы устанавливали комиссионные взносы за любой вид операций. Если вы, например, приобретали акцию за 20 долларов, в квитанцию проставляли сумму 20%. Получалось, что позволительный убыток на любой пункт маржи не перекрывал три четверти пункта.

В бакет-шопах не требовали вносить дополнительную оплату или закрывать позиции за доступную сумму.

Среди тысяч клиентов Cosmopolitan, являвшейся гигантом среди остальных брокерских компаний, я, пожалуй, представлял для них наибольшую угрозу. Три пункта залоговой маржи, чудовищная премия так и не дали желаемого результата — я по-прежнему не снижал объемов своей работы, используя максимум возможностей в пределах, которые мне были здесь доступны. Мои операции по продаже и покупке достигали таких масштабов, что я порой становился обладателем пакета в несколько тысяч акций.

Попытка Cosmopolitan обставить меня была принята в тот момент, когда я совершил короткую продажу (иначе говоря, шортировал) трех с половиной тысяч акций Американской сахарной компании. Мне выдали 7 квитанций розового цвета, каждая из них была на 5 сотен акций. Квитанции отличались солидным размером: Cosmopolitan хотела всегда

иметь возможность дописать на полях прибавочную залоговую маржу.

Само собой, в брокерских конторах игрокам не делали предложений о дополнении залоговой маржи. Бакет-шопам были выгодны ее минимальные размеры, поскольку львиную долю прибыли они срывали, когда цена преодолевала границы маржи и клиент, оставляя весь залог конторе, выбывал из игры. Когда же вы все-таки намеревались в бакет-шопе поднять маржу и таким образом раздвинуть возможные пределы изменения курса, вам давали еще одну квитанцию. Делалось это для того, чтобы получить с вас комиссионный сбор за покупку, да еще и на каждый заявленный пункт маржи разрешалось изменение курса только на три четверти пункта, так как они добавляли и комиссионный сбор за продажу, будто оформлялся новый заказ.

В тот самый день моя залоговая маржа составляла 10 тысяч долларов.

В двадцать лет я уже имел наличными свои первые 10 тысяч долларов. По мнению моей матери, такой суммой наличными, кроме ее сына, не обладал никто, ну разве что Рокфеллер. Она упрашивала меня бросить свое занятие и выбрать дело, более достойное доверия. Доказать ей, что в моем способе зарабатывать деньги нет и тени азарта и все строится на математических подсчетах, было очень сложно. В ее глазах 10 тысяч долларов были фантастическим капиталом, а для меня они представляли лишь средство увеличивать залоговый депозит, а в итоге — и масштабы своего дела.

Сумма, положенная мной на депозит, давала мне возможность короткой продажи трех с половиной

тысяч ценных бумаг Американской сахарной компании по 105%. В зале на тот момент был еще один клиент, Генри Уильямс, ставивший на снижение курса, в его распоряжении было 2,5 тысячи акций. Как правило, я находился возле телеграфного аппарата и озвучивал с ленты котировки мальчику, заносившему их на доску. Котировки менялись точно по моим прогнозам. Цена вскоре упала на два пункта и застыла, будто готовясь опуститься еще ниже. Обстоятельства вроде бы обнадеживали, на рынке волнений не наблюдалось. Но мне не давали покоя эти мельчайшие изменения котировок. Я почувствовал что-то неладное. Меня тянуло сию минуту уйти. Акции Американской сахарной компании как раз достигли цены 103 доллара (нижний предел этого дня), но вместо растущего убеждения в верности своих расчетов я ощущал смутную тревогу. Неясность надвигающейся угрозы лишала меня возможности противостоять ей. Я решил закрыть позицию и покинуть контору.

Понимаете, я не работаю наугад. Не мой метод. Такого я себе не разрешаю. Еще в раннем детстве мне хотелось разобраться, для чего надо делать то или иное. В данный момент не существовало видимых поводов для выхода из игры, кроме неясного беспокойства. Я обратился к своему знакомому по имени Дейв Уимен:

— Дейв, есть к тебе небольшая просьба. Замени меня у тикерной ленты, и когда появится следующий курс акций Американской сахарной компании, приостанови объявление котировки на пару-тройку секунд, договорились?

Дейв кивнул и занял стул возле телеграфного аппарата, чтобы сообщать котировки мальчику.

Приготовив свои розовые квитанции, я отправился к менеджеру, заполнявшему бумаги для закрывающих свои позиции. У меня еще не было твердой уверенности, что поступаю правильно, и я просто остановился рядом с ним, расположившись так, что мои квитанции были ему не видны. Через несколько секунд ожил тикерный аппарат, и Том Бернхем, менеджер, весь превратился в слух. В этот момент я четко уловил, что вот-вот произойдет какое-то жульничество, и сделал выбор. В ту же секунду Дейв Уимен произнес: «Сахар...», а я кинул клерку семь квитанций и закричал: «Закрывай сахарные!» Мой вопль прозвенел до того, как прозвучала новая котировка, и менеджер должен был принять мои квитанции по предыдущей цене. Котировка, озвученная Дейвом, осталась прежней — 103 доллара.

Когда я делал прогноз, ценные бумаги именно в это время должны были упасть ниже названной суммы. Но что-то пошло не так. Меня не покидало ощущение, что я чудом избежал ловушки. Вдруг телеграфный аппарат словно с цепи сорвался, и я увидел, что клерк так и не проставил конечную цену на брошенных мной квитанциях, а по-прежнему вслушивался в котировки, объявляемые Дейвом, словно дожидаясь чего-то. Мне пришлось завопить: «Том, какого рожна ты медлишь? Проставляй 103 на моих квитанциях! Поторапливайся!»

Клиенты, бывшие в тот момент в зале, сразу отреагировали на мой громкий голос и стали задавать друг другу вопросы о том, что произошло, ведь несмотря на то, что *Cosmopolitan* ни разу не была замечена в жульничестве, трудно предугадать, что может случиться, в бакет-шопе переполох разрастается с той

же скоростью, что в банке. Когда кто-то из игроков почувал подвох, все клиенты приходят в возбуждение. Зная об этом, Том бросил на меня мрачный взгляд, но все-таки принял все семь квитанций, отметил на них «Закрито по 103», и вернул их мне. Сказать, что его физиономия моментально прокисла, — значит ничего не сказать.

От стойки клерка до кассира было не больше метра. Но даже такое расстояние я не успел преодолеть, чтобы обменять квитанции на деньги, когда прогремел возбужденный крик Дейва Уимена:

— Черт побери! Американская сахарная — 108!

Афера не удалась — они не успели. Я с улыбкой обернулся к Тому:

— Сегодня не выгорело, да?

Конечно, эта ситуация была спланирована заранее. И Генри Уильямс, и я шортили в целом 6 тысяч акций. Брокерская контора приняла в качестве залоговой маржи мои 10 тысяч, кругленькую сумму от Генри, и одному богу известно, сколько еще клиентов продавало без покрытия сахарные акции в тот день.

Чтобы стало понятнее, допустим, что количество ценных бумаг на тот момент было около 10 тысяч. Тогда залог по ним мог дойти до 20 тысяч долларов. Такой суммы хватило бы, чтобы оплатить услуги того, кто взбудоражил бы биржевые торги в Нью-Йорке и вытряс наши кошельки до цента.

Тогда, если бакет-шоп сталкивался с появлением большого количества клиентов, игравших на повышение, вполне обыденными считались сделки с брокером, в силах которого было хоть и ненадолго, но значительно уронить курс каких-либо ценных бумаг,

чтобы одним махом ободрать всех «быков». Хватало понижения котировок на два пункта — и бакет-шопы клали в карман несколько тысяч, полученные с нескольких сотен ценных бумаг.

Этот путь выбрала и *Cosmopolitan*, желая обуть клиентов, ставивших на понижение акций Американской сахарной компании, в первую очередь таких, как я или Генри Уильямс. Посредники брокерской компании смогли повесить котировки наших акций до 108 долларов. Безусловно, после такого взлета цена быстро опустилась, но все игравшие на понижение, в том числе и Генри, потеряли деньги. В то время случаи резкого и не имеющего объяснений скачка курса на фондовой бирже, после которого цены снова выправлялись, именовали плутнями бакет-шопов.

Пикантность ситуации в том, что всего через полторы недели после неудачной попытки *Cosmopolitan* выдавить меня из игры один член Нью-Йоркской фондовой биржи обставил компанию больше чем на 70 тысяч. Он был важной птицей на акционном рынке, создав свою репутацию игрой на понижение в 1896 году, когда на фондовых биржах царило смятение. Этот делец все время выступал против порядков биржи, не дававших ему поживиться за счет остальных трейдеров. В какой-то момент он осознал, что и правила биржи, и закон не будут иметь ничего против, если он пополнит свой карман за счет не самых честных капиталов бакет-шопов. В махинации, о которой я упоминал, делец задействовал тридцать пять наемных работников, которые, изображая игроков, выполняли его задание. Эти люди отправились в конторы самых солидных брокерских фирм и в назначенное время приобрели ценные бумаги заранее

указанной компании в предельно допустимом количестве. Затем «клиенты» должны были одновременно закрыть позиции на определенном уровне котировок. Сам предприимчивый член фондовой биржи внушил многим из своего окружения, что эти ценные бумаги заметно вырастут, и, придя на биржу, влился в ряды «быков». Тут его поддержали некоторые трейдеры, считавшие этого дельца достойным доверия. При условии осторожного выбора подходящих ценных бумаг несложно добиться повышения их котировок на 3-4 пункта. Его агенты, отследив максимальное поднятие курса, вышли из игры и покинули конторы с весьма нескромной прибылью.

Я слышал, что трейдер в результате пополнил свои счета на 70 тысяч. Ему удалось провернуть подобную операцию неоднократно и в итоге нажиться на самых солидных брокерских фирмах Чикаго, Филадельфии, Цинциннати, Бостона, Сент-Луиса и Нью-Йорка. Для своей игры он выбрал ценные бумаги Western Union: не составляло никакого труда поднимать или опускать на несколько пунктов их полуактивные акции. Нанятые им люди приобретали ценные бумаги по оговоренной заранее цене, закрывали позиции, когда курс вырастал на пару пунктов, затем продавали без покрытия, снимая сливки с трех пунктов от падения курса. К слову сказать, не так давно я увидел в газете, что свою жизнь этот человек закончил в нужде и всеми покинутым. Если бы он скончался в 1896 году, пресса Нью-Йорка выделила бы ему немало места на первой полосе. Сегодня же ему посвятили пару строк в конце газеты.

ГЛАВА 2

Осознав, что Cosmopolitan устроит любую пакость, только бы устранить меня (если не срабатывает даже чудовищный гандикап в виде маржи размером в 3 пункта и премии в полтора), и что ни при каком раскладе они не захотят связываться со мной, я принял решение отправиться в Нью-Йорк — там была возможность играть в бакет-шопе от фондовой биржи. В Бостоне, где брокерские конторы снимали котировки с тикерной ленты, я себя не видел. Моим желанием было очутиться поближе к эпицентру событий. В 21 год я, забрав всю имевшуюся наличность — две с половиной тысячи долларов, отправился в Нью-Йорк.

Вы уже знаете, что в двадцать лет я был обладателем 10 тысяч и поставил их на акции Американской сахарной компании. Но все же мои операции не всегда заканчивались выигрышем. Моя система игры была хорошо продумана и чаще вела к прибыли, чем к потере денег. Следуя своему плану торговли, я был в плюсе в 70% случаев. Даже можно сказать, что я едва ли не всегда оказывался прав, если перед игрой убеждался в абсолютной верности своей тактики. Только, увы, иногда мне не доставало извинлин опираться на самим же придуманный порядок работы — вступать в игру лишь при стопроцентной убежденности в том, что все факторы на моей стороне и послужат выигрышу. На тот момент я еще

был далек от понимания: всему свое время. По той же причине, из-за своей «всеядности», прогорают на Уолл-стрит люди, которых глупыми или бездарными никто бы не назвал. Находятся, конечно, полные болваны, умудряющиеся напортачить во всем и всегда, но есть и такие олухи на Уолл-стрит, которые убеждены: заниматься торговлей надо непрерывно изо дня в день. Вряд ли можно найти человека, видящего здравый смысл в продаже или покупке ценных бумаг каждый день или располагающего необходимыми знаниями для того, чтобы из раза в раз разумно выстраивать свою игру.

Эту истину я подтвердил личным примером. Когда я работал с телеграфной лентой, опираясь на собственные прогнозы и выкладки, я оказывался в плюсе, но стоило мне безрассудно положиться на удачу, я терял деньги. Чем я отличаюсь от остальных? Да ничем. Когда вокруг все пропитано азартом: чудовищная доска со множеством котировок, тикерная лента, с треском вылезаящая из аппарата, возбужденные клиенты, погруженные в игру, квитанции, в любой момент способные стать кругленькой суммой или бесполезной бумажкой, — невероятно сложно оставаться хладнокровным. Здравый смысл отстывает. В конторах, где маржа невероятно мала, никто не задерживается надолго. Микроскопический сдвиг цены не туда, куда нужно, и ты выбываешь. Жажда не прерывать игру во что бы то ни стало, какая бы ситуация на рынке ни сложилась, привела не к одному банкротству на Уолл-стрит, случалось такое и с весьма опытными дельцами, с теми, кто уверен, что должен получать прибыль ежедневно, будто биржа обязалась выплачивать ему жалованье.

На тот момент я был неопытным юнцом, не понимавшим того, что усвоил через пятнадцать лет, когда полмесяца выжидал, не отрывая взгляда от котировок нужных мне ценных бумаг, пока их цена не выросла на три десятка пунктов и я не убедился, что покупать их можно без риска. В то время я остался без гроша в кармане и хотел взять реванш, поэтому мои действия должны были быть продуманы до мелочей. Мне необходимо было понимание полной правоты своего плана, что и заставляло меня выжидать. Произошло это в 1915 году, но подробности ситуации я обрисую позднее. А сейчас отправимся в 1900 год, когда я из-за собственной наивности предоставил шанс брокерским конторам здорово обобратить меня, чем они и воспользовались.

Такое происходило со мной и до, и после этого. Спекулянту на бирже не привыкать к борьбе с массой искушений, толкающих к банкротству. Так или иначе, я оказался в Нью-Йорке, имея за душой две с половиной тысячи. У меня не было представления, какие брокерские конторы играют по правилам. Правоохранительные органы и сама биржа энергично воевали с ними, в итоге многие бакет-шопы закрылись. А ведь мне нужна была контора, где размах игры зависел бы только от размеров моего капитала. Тогда он был не велик, но я верил, что скоро изменю ситуацию. Самым важным было найти бакет-шоп, где игра велась по правилам. Вот я и пошел в фирму, относящуюся непосредственно к Нью-Йоркской фондовой бирже. У компании была контора и в моем городе, поэтому с несколькими менеджерами я был знаком. Сейчас фирма, о которой идет речь, давно накрылась. Игра моя в этом бакет-шопе была непродолжительна.

У меня не вызывал доверия один из компаньонов этой компании, потому я выбрал контору А. Р. Фуллертон. Наверное, до него дошли слухи о моих прошлых достижениях, потому что вскоре и здесь ко мне вернулось прозвище «юный хват». На свой возраст я никогда не выглядел. С одной стороны, это было минусом, но с другой — дало опыт в умении постоять за себя, поскольку немало было тех, кто счита-

Жажда не прерывать игру привела не к одному банкротству.

л меня зеленым юнцом и хотел нажиться на этом. Клерки брокерских контор, наблюдая выигрыши юнца, объясняли их тем, что «бог дурака кормит». Другой причины для моих успехов они не находили.

Не успело пройти полгода с момента моего прибытия в Нью-Йорк, а я уже остался без гроша. Играл я бойко, меня считали любимчиком фортуны. Комиссионные я приносил со своих сделок тоже немалые. Кошелек мой понемногу толстел, но закончилось все крахом. Я старался избегать риска в игре, но все же иначе и быть не могло. И все из-за моих блестящих выигрышей в бакет-шопах!

Моя система несла прибыль в бакет-шопах только при ставках на изменение курса. Обязательным условием победы было наличие телеграфного аппарата. Во время покупки курс акций находился прямо передо мной — на доске с котировками. Еще до заключения сделки мне было известно, какую сумму надо отдать за акции. Продажу я тоже мог произвести за считанные секунды. Скорость моей реакции определяла, выиграю я или проиграю. Иногда пара мгновений решала, ждет меня успех или крах. Случалось,

что я был абсолютно убежден: сейчас хотя бы на один пункт котировки изменятся. Этого хватало для того, чтобы я мог внести залог на один пункт, моментально получая стопроцентный выигрыш. Играя таким образом с сотней-другой акций ежедневно, можно было за месяц неплохо подзаработать.

Единственный существенный недостаток у такого плана был в том, что ни один бакет-шоп не жаждет регулярно лишаться наличных, даже если их у него в избытке. Игрок, взявшийся раз за разом обирать контору, не сможет бесконечно испытывать ее терпение.

Так или иначе, метод, обогащавший меня в бакет-шопах, у Фуллертон дал сбой. Тут не было сделок без покрытия, я на самом деле приобретал и продавал ценные бумаги. В конторе *Cosmopolitan* на телеграфной ленте я замечал, что цена сахарных акций 105 долларов, и мог предвидеть снижение их курса на 3 пункта. Только в то время, пока тикерный аппарат печатал цену акций Американской сахарной компании на ленте, настоящий курс на самой фондовой бирже мог упасть на 1 или 2 пункта. К моменту передачи моего распоряжения о продаже 1000 акций менеджеру конторы Фуллертон, находившемуся непосредственно в зале биржи, курс мог еще упасть. Пока у меня не оказывался на руках отчет клерка, я представления не имел, по какому курсу проданы мои акции. Там, где в бакет-шопах я мог получить три тысячи прибыли, в реальной брокерской конторе при бирже я не получал ни цента. Конечно, я сейчас описываю крайнюю ситуацию, но — хочешь не хочешь — приходилось признать: метод, отлично работавший в бакет-шопах и опиравшийся на тикерную ленту, для

конторы Фуллертон не годился. Жаль, что времени на осознание этого ушло немало.

Выяснилось еще, что при продаже солидного пакета ценных бумаг идет давление на цену, она заметно опускается. Влияние моих операций на рынок не касалось меня, пока я играл в бакет-шопах. В Нью-Йорке же игра шла по другим правилам, поэтому я никак не мог добиться победы. Проигрывал я не оттого, что начал играть по закону, а из-за того, что был простаком. Да, я мастерски читал телеграфную ленту. Но здесь это не было залогом успеха. Я бы добился большего, если бы находился непосредственно на бирже. Кто знает, может, там я сумел бы приспособить свой метод к изменившимся условиям. Но даже если бы тогда у меня был тот размах торговли, который есть, например, сейчас, мой метод все равно бы не сработал, потому что не принимал в расчет влияние самих торговых операций с акциями на колебания их курса.

Одним словом, у меня еще не было полной картины законов игры на бирже. Отдельные весьма значимые детали мне были ясны, что и вело меня к победам. Но раз уж я при всем при этом не мог добиться успеха, стоило ли ожидать побед сосунку-новичку?

Достаточно быстро я сообразил, что где-то моя система дает сбой, но в чем именно, почуять пока не мог. Порой мой метод отлично срабатывал, а затем вдруг одна за другой сыпались неудачи. Напоминаю, мне тогда было лишь двадцать два. И причина здесь не в том, что я жестко придерживался своей системы и не пытался найти ее слабые стороны, — мало кому в молодости хватает знаний и опыта.

Работники Фуллертонa были невероятно любезны со мной. Маржинальные ограничения не давали мне уходить в игру с головой, но и владелец конторы, и его служащие были до такой степени добросердечны, что за полгода активных торговых операций я не просто оставил здесь все, с чем приехал в Нью-Йорк, и все, что сумел накопить за это время, но даже оказался в долгах, заняв у конторы несколько сотен.

Вот так я, которого и взрослым-то трудно было тогда назвать, очутился в чужом городе без гроша за душой. При этом я был уверен, что дело не во мне, а в моей системе. Я хочу сказать, что глупо винить в чем-то рынок. С цифрами спорить бессмысленно. Обиды на рынок — бесполезное занятие.

Меня неудержимо тянуло снова вступить в игру, и я, не теряя времени, отправился к старику Фуллертону.

— Займите мне 500 долларов, — с порога обратился я к нему.

— Для чего?

— Они мне нужны.

— Для чего? — повторил он.

— Чтобы внести залог, конечно же, — ответил я.

— Пять сотен? — сдвинул он брови. — Ведь ты в курсе, что надо будет вносить 10 процентов маржи? На 100 акций — 1000 долларов. Давай я предоставлю тебе кредит.

— Не надо. От вашей компании мне кредит ни к чему. Я не собираюсь у вас играть. Я уже вам должен. Ссудите мне просто пять сотен, чтобы я сыграл где-то еще, раскрутился, а потом пришел обратно к вам.

— И какой у тебя план? — поинтересовался Фуллертон.

— Отправлюсь в бакет-шоп, — сказал я.

— Кто тебе мешает торговать здесь?

— Никто. Но здесь я вряд ли выиграю, а вот в бакет-шопах я успеха добьюсь, — стоял я на своем. — Мне там все понятно. И, по-моему, я догадываюсь, почему я даю маху в вашей конторе.

Старик Фуллертон выдал мне пять сотен, и я покинул контору, где, несмотря на свое новое, полученное уже здесь прозвище «гроза бакет-шопов», профукал все свои деньги. Дорога домой была для меня закрыта — там все конторы просто захлопнули бы передо мной свои двери. В Нью-Йорке бакет-шопы уже свое отжили, значит, Нью-Йорк тоже был не вариант. До этого мне рассказывали, что несколько лет назад на Брод-стрит и Нью-стрит бакет-шопы были на каждом углу. Но к моменту, когда я в них так нуждался, там не осталось ни одной конторы. В конце концов, прикинув варианты, я выбрал Сент-Луис. Поговаривали о двух крупных фирмах, которые проворачивали внушительные сделки на всем Среднем Западе. Значит, и выручки у них огромные. В нескольких городках рядом с Сент-Луисом были их отделения. Вдобавок я слышал, что ни одна компания Восточного побережья даже рядом не стояла с ними по масштабам бизнеса. Тайных делишек за ними не водилось, поэтому с ними не боялись вести дела и весьма заметные персоны. Вот туда я и отправился с заветными пятью сотнями в кармане, чтобы, раскрутившись в бакет-шопах, вернуться к Фуллертону, который, кстати, был членом Нью-Йоркской фондовой биржи, и снова играть в его конторе.

Обустройство в гостинице Сент-Луиса много времени не отняло, и я сразу занялся поиском бакет-шопов.

Без труда я нашел первый, принадлежавший Дж. Г. Долану, а затем и второй, владельцем которого являлся Г. С. Теллер. Играть я собирался очень аккуратно, опасаясь лишь того, что кто-то узнает меня и я окажусь на улице, поскольку во всех штатах были в курсе о моих «свершениях». Связь между бакет-шопами всегда отменно налажена, не хуже, чем между игорными домами. Контора Долана находилась в двух шагах, с нее я и решил начать. Мне хотелось верить, что у меня в запасе есть хотя бы пара-тройка дней до того, как меня раскусят и выставят за дверь. Войдя внутрь, я попал в огромный зал, где человек двести не отрывали взгляд от котировочной доски. Это было мне на руку — в такой толпе мала вероятность быть сразу замеченным. Слившись с остальными игроками, я стал наблюдать за котировками, отмечая их изменения, и в конце концов выбрал акции, с которых планировал начать торговлю.

Изучив зал, я подошел к стойке, где за окошком сидел менеджер, принимавший заказы и выдававший квитанции. Я обратился к нему:

— Скажите, я могу здесь сделать ставки на пшеницу и хлопок?

— Конечно, сынок, — улыбнулся клерк.

— А ценные бумаги приобрести тоже могу?

— Само собой. Были бы деньги.

— С этим проблем нет, — похвастался я, словно ребенок.

— В самом деле? — он весело поднял бровь.

— У меня есть 100 долларов. Сколько акций вы мне можете продать на них? — поинтересовался я, будто слегка обидевшись.

— Если ты и правда располагаешь такими деньгами, то сто акций.

— Располагаю! 100 долларов! И двести есть! — для вида разгорячился я.

— Хорошо, — ответил клерк.

— Я хочу, чтобы вы купили мне две сотни акций.

— Две сотни, понятно. А каких именно?

Клерк начал говорить со мной по-деловому. Я, изображая неуверенность, вновь повернулся к доске с котировками и протянул:

— Давайте две сотни акций Oтаһа.

— Прекрасно, — ответил он.

Затем работник принял мои деньги, не забыв пересчитать их, и заполнил квитанцию, спросив под конец:

— Как вас зовут?

— Гораций Кент, — последовал мой ответ.

Получив квитанцию, я устроился среди других игроков, ожидая, когда цена на мои акции поднимется и я смогу прибыльно продать их.

Времени я не терял и за этот день успел провести несколько удачных операций. Следующий день был таким же успешным. За пару дней моя прибыль составила две тысячи восемьсот долларов. Я очень рассчитывал на то, что смогу всю неделю беспрепятственно играть. Результаты первых дней говорили, что шансы отлично заработать очень велики. Мне хотелось потом сыграть в конторе Теллера, а если и там все пойдет по плану, то к Фуллертону я вернусь с карманами, полными денег, и уж тогда смогу рассчитывать на успех.

Когда на третий день я очутился возле стойки клерка с желанием приобрести пять сотен акций В.Р.Т., он обратился ко мне:

— Мистер Кент, будьте добры, пройдите к мистериу Долану, он хотел встретиться с вами.

Сомнений не было — игре конец. Но я все же поинтересовался:

— А в чем дело?

— Извините, я не знаю.

— Где мне его найти?

— Мистер Долан у себя в кабинете. Вон та дверь налево.

Менеджер махнул рукой в сторону кабинета. Долан, удобно устроившись в кресле, указал мне на стул:

— Располагайтесь, Ливингстон.

Сомнений не оставалось — я раскрыт. Откуда он узнал обо мне? Не из книги ли постояльцев в отеле?

— И что же вам от меня надо? — поинтересовался я.

— Знаешь, сынок, лично у меня к тебе претензий нет. Вообще никаких. Улавливаешь?

— Не улавливаю, — ответил я.

Владелец конторы поднялся. Только тут я заметил, какой он крепыш. Долан, подойдя к двери, открыл ее и призывно махнул мне рукой:

— Взгляни-ка, Ливингстон, — он указывал на игроков, собравшихся у котировочной доски.

— Взглянуть на что? — спросил я.

— На эту толпу, сынок. Здесь три сотни лопухов. И все они содержат меня и мою семью. Посмотри! Триста простаков! И вдруг появляется мистер

Ливингстон и за какие-то два дня один выносит из конторы больше, чем я сдираю с этих трех сотен простофиль за две недели. Так не пойдет, сынок! Все, что ты успел отсюда утащить, — твое. Но теперь для тебя лавочка прикрыта. Разойдемся на этом.

— Да я...

— Хватит! Я заметил тебя еще позавчера. Мне сразу стало ясно: что-то тут не так. Уж больно старательно ты лохом притворялся, — Долан махнул рукой в сторону бедолаги менеджера. — Зову в кабинет этого идиота, расспрашиваю о тебе. Говорю: «Что-то не то в парнишке. Не нравится он мне!» А этот кретин мне выдает: «Ладно вам, мистер Долан! Этот пацан, Гораций Кент, просто прикидывается взрослым. Обычный парнишка!» Я поверил олуху. И это встало мне в 2,8 тысячи. Претензий к тебе, малыш, у меня нет. Но больше ни на что здесь губу не раскатывай!

— Знаете... — попытался вклинить в его речь я.

— Знаю, Ливингстон, знаю. Я столько о тебе знаю! Эти лохи оставляют здесь свои деньги, и я на них живу, ты в конторе мне не нужен. Я не первый год в деле, уважаю правила. Заработал — забери, твое. Но оставить тебя играть в этом зале — значит оказаться еще большим простаком, чем они. Поэтому, милый, убирайся из моей конторы подобру-поздорову!

С двумя тысячами восьмьюстами долларами в кармане я вышел на улицу и направился в находившуюся неподалеку контору Теллера, известного толстосума, владевшего еще и кучей бильярдных. На ходу я пытался выбрать следующий шаг: начать с малого и потихоньку добраться до 1000 акций или не тянуть кота за хвост и пойти на максимум. Я понимал, что, скорее

всего, у меня в запасе день, не больше. Владельцы бакет-шопов на раз чувят, когда деньги уплывают от них, а я собрался купить 1000 акций В.Р.Т. В том, что я смогу получить 4-5 пунктов с каждой, у меня сомнений не было. Закавыка была в том, что, если у них появятся малейшие подозрения или слишком много клиентов поставят на эти бумаги, у меня просто шанса не будет сыграть. Все-таки я решил начать торговлю со скромных ставок и выбирать в первые заходы акции других компаний.

Зал у Теллера был поскромнее в размерах, но побогаче в обстановке, да и публика собралась здесь попримечнее. Это все было мне на руку, я передумал и решил начать с 1000 акций В.Р.Т. Заметив нужную мне стойку, я подошел к менеджеру:

— Я хочу приобрести акции В.Р.Т. Каков лимит?

— Покупайте столько, на сколько денег хватит.

Лимита нет.

— Отлично, тогда мне нужно полторы тысячи акций, — произнес я, доставая деньги. Не успел менеджер взяться за квитанцию, чтобы оформить заказ, как возле стойки появился рыжий толстячок и чуть ли не швырнул его от окошка. Потом он сердито обратился ко мне, высунувшись из-за стойки почти по пояс:

— Вот что, Ливингстон! Топай-ка ты назад к Доллану. В нашей конторе ты ставки делать не будешь!

— Я хочу забрать свою квитанцию. Я как раз перед вашим появлением купил несколько ценных бумаг, — попытался возразить я.

— Твоих квитанций в этой конторе не было, нет и не будет, Ливингстон, — прорычал он. — Здесь тебе не рады, тут ты ставок делать не будешь! Ясно?

К нам начали подходить и другие менеджеры, тарасившиеся на меня, сгрудившись позади Теллера.

Я сдулся, поняв, что спорить бесполезно. Пришлось вернуться в отель, расплатиться и отправиться назад в Нью-Йорк ближайшим поездом. На душе кошки скребли. Все мои расчеты на роскошный выигрыш Теллер развеял по ветру.

Отправившись в контору Фуллертону, я вернул ему занятые перед отъездом 500 долларов и стал играть на то, что привез из Сент-Луиса. Я был то в плюсе, то в минусе, но в итоге прибыль все же превышала убытки. Естественно, я уже имел немалый опыт в этом деле, да и осознал наконец, что в торговле акциями нюансов значительно больше, чем мне казалось до приезда в Нью-Йорк. Я тогда походил на горячих поклонников кроссвордов, которым покоя нет, пока не вписано в сетку последнее слово. А бакет-шопы представлялись мне уже делом прошлым. Но все оказалось не совсем так.

Владельцы бакет-шопов на раз чувят, когда деньги уплывают, а я собрался купить 1000 акций V.R.T.

Где-то спустя два месяца после поездки в Сент-Луис к Фуллертону стал захаживать какой-то старикашка. Оказалось, это давний его знакомец. Как я вскоре выяснил, было время, когда они вдвоем владели конюшней, где держали скаковых жеребцов. Звали старика Макдевитт, и по всему было заметно, что бывали у него времена и получше. Когда произошло наше с ним знакомство, он как раз посвящал народ в историю о темных делишках каких-то аферистов на ипподроме Сент-Луиса. Командовал

жуликами, по его словам, некий Теллер, бывший хозяином бильярдных в городе.

— Теллер? Что за Теллер? — решил уточнить я.

— Какой-то Г. С. Теллер.

— Знакомый проныра, — усмехнулся я.

— Шельмец, каких мало, — подтвердил Макдевитт.

— Еще бы, — продолжил я. — Мне ли не знать!

— У тебя с ним свои счета?

— Да уж. Этого гада только через кошелек достать можно. Удобно он там пристроился в Сент-Луисе, но ничего, придет время, и я до него доберусь.

Тут я и поведал Макдевитту историю о Сент-Луисе.

— До меня доходили слухи, что Теллер тянул свои ручонки и в Нью-Йорк, да только коротковаты они у него. Пришлось пройдохе довольствоваться Хобокеном. Правда, там вроде игра идет без лимита. Само собой, деньжищ там куры не клюют.

— А что у него в Хобокене? — поинтересовался я, рассудив, что это еще одна бильярдная.

— Бакет-шоп, — был ответ.

— Так он уже работает?

— А то. Я от нескольких знакомых уже слышал.

— Может, это просто разговоры, — выразил сомнение я. — Есть шанс вывести, открылись ли они и правда ли, что игра там идет по-крупному?

— Да запросто, парень, — улыбнулся старичок. — Скатаюсь туда прямо с утра, и вечером ты будешь в курсе.

Макдевитт так и поступил. Весьма похоже было на то, что сент-луисский мой знакомый затеял там серьезный бизнес и деньжищи текли к нему рекой. Был конец недели. Все предыдущие дни рынок рос, а 20 лет назад это гарантировало, что в субботу

избыточные резервы банков будут серьезно сокращены. Для солидных игроков фондовой биржи это был великолепный шанс активизироваться и пополнить карманы за счет мелких завсегдатаев бакет-шопов. Незадолго до закрытия торгов пройдет коррекция курсов, сильнее всего она скажется на акциях, которые раскупались в тот день как горячие пирожки. Естественно, это будут ценные бумаги, по которым длинные позиции были у многих игроков в заведении Теллера. Если вдруг найдется тот, кто при таком раскладе рискнет ставить на снижение котировок, бакет-шоп с удовольствием поможет ему расстаться с денежками. Ведь таким заведениям наживаться на простофилях, когда котировки резко взлетают или падают, — одно удовольствие. А уж если маржа — 1 пункт, то таких лопухов ободать легче легкого.

Я заглянул в бакет-шоп в Хобокене утром в субботу. Здесь все было с размахом: просторный зал, солидная котировочная доска, армия менеджеров и охранник в мундире при дверях. На тот момент в конторе было 2-3 десятка игроков.

Я сразу направился к управляющему. Он полюбозыствовал, чем может помочь. Я сказал, что мне помощь ни к чему, да и вообще, на ипподроме, где нет лимита на ставки, выиграть кругленькую сумму в разы легче и быстрее, чем тут с акциями собирать в час по чайной ложке, тратя на ожидание котировок кучу времени. В ответ управляющий начал убеждать меня, что ставки на ценные бумаги дают больше гарантий на выигрыш и есть игроки, срывающие здесь солидный куш. По его словам, выходило, что он чуть ли не сам брокер, усердно торгующий для вас

акциями. Наверное, он поверил, что я ищу, куда спустить деньги, и заглянул сюда по пути в бильярдную, где меня обдерут как липку. Он решил, что и у бакетшопа есть шанс нажать на мне, поэтому как бы между прочим предупредил, что надо бы поторопиться, а то торги закончатся в полдень, а так я смогу еще до обеда, выбрав стоящие акции, положить кругленькую сумму в карман, чтобы потом сделать покрупнее ставки на ипподроме.

На моем лице было написано глубокое сомнение. Управляющий увещевал меня все настойчивее, а я вертел в руках часы и всем видом выражал нетерпение. Наконец в 11:15 я сделал вид, что поддался на уговоры. «Ладно», — протянул я и стал диктовать ему, какие ценные бумаги хотел бы продать. Я вручил ему две тысячи залога, управляющий сиял от радости. Он обнадежил меня, сказав, что я практически стопроцентно смогу сегодня обогатиться, и предложил мне отныне посещать их контору почаще.

Мои прогнозы оказались верны. Воротилы фондовой биржи стали снижать цены до пределов, обеспечивающих оживление стоп-лоссов, цены, само собой, рухнули. Я закрыл свои квитанции прямо перед тем, как котировки снова начали подниматься, что, как правило, происходит за несколько минут до окончания торгов, сразу, как только ставившие на снижение цен брокеры закроют свои короткие позиции.

Я сумел заработать 5,1 тысячи и прошагал к кассе, чтобы получить свои деньги.

— Сегодня мой день, — улыбнулся я клерку, протягивая квитанции.

— Извините, — пробормотал он, — в кассе нет такой суммы. К таким выплатам я сегодня не готов.

Но весь выигрыш вы получите в понедельник сразу после открытия.

— Хорошо. Давайте сколько есть.

— Разрешите мне в первую очередь выдать небольшие выигрыши, — обратился клерк ко мне. — Залог и все, что после этих выплат будет в кассе, я непременно вам отдам. Просто дождитесь, когда я выплачу все причитающееся остальным клиентам.

Куда было деваться, я согласился. За свой выигрыш я не переживал. Контору, приносящую такие прибыли, Теллер не станет позорить невыплатой денег клиенту. Если же он вдруг соберется прикрыть лавочку, мне придется довольствоваться возвращенным залогом и той суммой, что будет в кассе после выдачи мелких выигрышей. Когда последний игрок покинул заведение, клерк выдал мне мой залог и еще почти восемь сотен — это было все, что осталось в кассе. Я заверил менеджера, что приду в понедельник с утра. Клерк клятвенно пообещал, что я без проблем заберу свой выигрыш.

Еще не было и полудня, когда я, подходя к бакетшопу, заметил клерка, бывшего в Сент-Луисе в день, когда Теллер выставил меня за дверь, так и не дав сыграть. Было не трудно понять, что управляющий сообщил владельцу о ситуации и тот отправил своего человека, чтобы выяснить, что к чему. Мошенники не верят никому.

— Я хотел бы забрать свой выигрыш, — обратился я к управляющему.

— Это он? — взглянул на управляющего менеджера, присланный Теллером.

— Именно, — с этими словами он потянул золотые сертификаты из внутреннего кармана.

— Постой! — схватил его за руку посланец босса и, уставившись на меня разъяренным взглядом, продолжил. — Ливингстон, вы так и не поняли, что вам не стоит посещать наши заведения?

— Верните мне мой выигрыш, — обратился я к управляющему, и он вложил всю выигранную накануне сумму в мою ладонь.

— Так что вы хотели? — посмотрел я на клерка, присланного Теллером.

— Вам ясно дали понять, чтоб ноги вашей не было в нашем заведении!

— Конечно, — охотно согласился я. — Из-за чего я вынужден был тратить время на поездку сюда.

— Не вздумайте здесь еще раз появиться! — прорычал представитель Теллера. — Чтобы духу вашего здесь не было!

В нашем направлении неспешно двинулся охранник, стоявший до этого у дверей бакет-шопа.

А посланец босса не унимался, он брызгал слюной и кричал в лицо управляющему:

— Идиот, где были твои глаза! Про Ливингстона тебе же говорили, и не раз!

— Знаете, — решил высказаться я, — здесь вам не Сент-Луис. Мухлевать тут так, как привык ваш шеф, не выйдет.

— За милую обходи нашу контору! Здесь тебе не рады!

— Раз я не смогу здесь играть, то и никто не сможет, — усмехнулся я. — Тут ваши приемчики не прокатят.

Раскричавшийся было менеджер моментально убавил громкость.

— Ливингстон, — обратился он ко мне, понемногу покрываясь красными пятнами, — войди в наше положение. Если контора будет выплачивать тебе такие выигрыши каждый день, мы по миру пойдем. Хозяина удар хватит, когда он прознает, что это ты провернул. Побойся бога, парень!

— Хорошо, я буду держать себя в руках, — кивнул я.

— Сам посуди, Ливингстон, мы только открылись, дай хоть развернуться на широкую ногу. Оставь наше заведение в покое, имей совесть. По рукам?

— Хорошо, но будьте добры в следующий мой визит сюда не нарываться на скандал, — поставил я точку в разговоре и под их переругивание за спиной отправился в Нью-Йорк.

Я слегка почистил карман заведения Теллера за то, что они выставили меня из бакет-шопа в Сент-Луисе, даже не дав возможности сыграть. Я понимал, что бессмысленно держать на них обиду или тратить силы на то, чтобы их контору прикрыли. Я отправился к Фуллертону, описал Макдевитту все произошедшее и сделал ему выгодное предложение. Я надумил старика стать постоянным клиентом заведения Теллера и потихоньку начать делать мелкие ставки по два-три десятка акций, пока не примелькается и они к нему не привыкнут. Но как только я замечу, что можно ободрать их всерьез, сразу позвоню ему, и он сыграет по-крупному.

Макдевитт получил от меня 1000 долларов и стал регулярно наведываться в контору Теллера в Хобокене, делая все так, как мы условились. Так, шаг за шагом, он превратился у них в постоянного клиента. Наконец наступил день, когда я почувствовал,

что подворачивается крупное дельце. Я дал знать Макдевитту, и он поставил на понижение все деньги, которые у него согласились принять. В этот раз я получил чистую прибыль, без учета доли Макдевитта и остальных расходов, 2 тысячи 800 долларов. Я почти уверен, что старик добавил к ставке и немного своих сбережений. Не прошло и месяца, как Теллер свернул свои дела в Хобокене. Полиция начала уделять им слишком пристальное внимание. При любом раскладе их контора не могла бы долго оставаться на плаву, хоть я сыграл у них лишь дважды. Пришло время рынка «быков»: котировки ценных бумаг росли, почти без изменений курса, которых хватало бы для перекрытия маржи в один пункт. Все ставили на повышение, росли финансовые пирамиды, в такой экономической ситуации бакет-шопы прогорали повсюду.

Поменялись сами принципы игры. Совсем недавно торговля в привычном стиле полузаконных бакет-шопов была все же предпочтительнее спекуляций в почтенных брокерских компаниях.

Самой выгодной формой стоп-лосса было автоматическое закрытие позиций, если убытки доходили до размера залога. Можно было потерять максимум сумму залога, и не существовало угрозы, что распоряжение будет исполнено несвоевременно и т. п. Нью-йоркские бакет-шопы не делали таких поблажек своим клиентам, какими известны были штаты Запада. Так, они по собственной воле урезали возможную прибыль по некоторым ценным бумагам до двух пунктов. Среди этих акций были бумаги Американской сахарной компании и Теннессийской угольно-стальной компании. Их котировки могли подскочить

на 10 пунктов за 10 минут, но вы бы получили по одной квитанции за два пункта. Бакет-шопы Нью-Йорка были уверены, что для игроков перебор: рисковать потерять один доллар, а выигрывать целых десять. Бывало и так, что конторы, даже самые солидные, просто не принимали заявки на какие-либо акции. Так, в 1900 году за день до выборов президента, когда всем было очевидно, что выиграет Маккинли, ни одна контора не позволяла покупать акции. Вероятность победы Маккинли составляла три к одному. Приобретя ценные бумаги в понедельник, можно было быть уверенным, что они поднимутся не меньше чем на 3-6 пунктов. Выкупив акции, можно было уверенно ставить на Брайана и все равно получить прибыль. Бакет-шопы накануне выборов не принимали ставок.

Если бы конторы не выставляли меня за дверь с таким постоянством, я бы так и делал там ставки. Но при таком раскладе я бы никогда и не догадался, что биржевые спекуляции — это намного больше, чем просто игра на молниеносных изменениях курса на несколько пунктов.

ГЛАВА 3

Немало воды утечет, прежде чем сделаешь выводы из всех своих ошибок и поражений. Давно известно, что все в мире имеет две стороны. А вот фондовый рынок имеет лишь одну. И всякий раз надо вставать не на сторону «быков» или «медведей», всякий раз надо выбирать верную сторону. Чтобы понять и основательно закрепить в сознании настоящее важное правило, я потратил больше времени и усилий, чем на овладение всевозможными техническими методами спекуляций на биржевом рынке.

Говорят, есть люди, проворачивающие потехи ради вымышленные сделки с акциями, вкладывающие в них вымышленные деньги и таким способом убеждающиеся в личной вымышленной правоте. Порой удается в воображаемой спекуляции заработать вымышленные капиталы. В фантазиях нетрудно быть рискованным и отважным. Мне все это напоминает бородатый анекдот про человека, которого назавтра ожидала дуэль.

— Меткий ли вы стрелок? — интересуется у него секундант.

— Я легко попадаю в ножку бокала с пятидесяти футов, — самоуверенно заявляет дуэлянт.

— Великолепно, — невозмутимо продолжает секундант. — А сумеете ли вы поразить ножку бокала тогда, когда сам бокал целит из дуэльного пистолета прямо вам в грудь?

Я убежден, что свою позицию обязательно надо поддерживать собственными капиталами. Личные провалы привели меня к выводу, что нападать можно лишь тогда, когда точно убежден: срочно уносить ноги не придется. Когда такой убежденности нет, не стоит и напрягаться. Я не имею в виду, что ни к чему стараться сократить собственные потери, если все же просчитался. Но не стоит таким образом лишать себя решимости. Я проигрывался регулярно, но мои просчеты добавляли опыта и учили, чего делать не надо. Случалось, я терял все до цента, но мои провалы ни при каких условиях не были безнадежными. Иначе мне никогда бы не удалось стать тем, кем являюсь сейчас. В любой ситуации я знал, что мне обязательно выпадет второй шанс и уж тогда я такого промаха не дам. Уверенность в себе никогда не оставляла меня.

Если есть желание добиться успехов в такой игре, надо иметь веру в себя и благоразумие. Поэтому я не доверяю рекомендациям и подсказкам. Уж если я приобрел акции по наводке Смита, то и продавать их надо по его совету. А это значит, что я начинаю зависеть от него. И как быть, если Смита не случится рядом в тот момент, когда акции надо будет продавать? Нет, наживать состояние стоит своим умом. Я на себе убедился, что чужие советы никогда не принесут мне больше дохода, чем собственная голова. Пять лет ушло на то, чтобы освоить секреты игры и научиться зарабатывать своим умом, когда мои выводы оказывались верны.

Моя жизнь не так богата примечательными событиями. В общем-то, постижение тонкостей спекуляций на бирже не настолько захватывающе. Конечно, бывало, что я оставался без гроша, приятного мало,

но тут я ничем не выделялся из толпы тех, кто разоряется на Уолл-стрит. Спекуляция на бирже — сложный и выматывающий процесс, трейдер вынужден всегда быть на рабочем месте, в противном случае он быстро останется за бортом.

План мой после череды проигрышей у Фуллертонна был нехитрый — научиться видеть операции с акциями с другой стороны. Но в то время я не подозревал, что в подобных спекуляциях есть столько тонкостей, о которых я и понятия не имел, делая ставки в бакет-шопах. При этом навык разбираться в данных тикерной ленты, отточенный мной и определявший выигрыш, и непрерывные упражнения для памяти сослужили отличную службу в будущем. Оба качества я отточил без особого труда. И первые мои достижения в игре на бирже были основаны именно на них, а не на моем уме и познаниях, поскольку в действительности уму моему не хватало тренировки, а знаниям — глубины и широты. Искусству спекуляций меня обучала сама игра. И, обучая, щедро раздавала тумаки.

Отчетливо вспоминаю день прибытия в Нью-Йорк. История о том, как бакет-шопы, захлопнув перед моим носом все двери, вынудили меня отправиться на поиски крупной брокерской компании, где можно было мирно погрузиться в любимое занятие — игру, вам уже известна. Один паренек в бакет-шопе, где я делал первые шаги в своем деле, работал на Harding Brothers — фирму, зарегистрированную на Нью-Йоркской фондовой бирже. Едва сойдя с поезда на вокзале Нью-Йорка, я отправился открывать брокерский счет в данной компании. Я приготовился вступить в игру.

Естественно, я сразу и здесь начал играть по методу, опробованному до того в бакет-шопах, — пытался заработать на незначительных изменениях котировок, предсказывать едва заметные, но точные колебания курсов. Рядом не оказалось никого, кто намекнул бы, что играют здесь по-другому, кто подтолкнул бы в верном направлении. Хотя, даже если бы кто-то нашелся, я бы все равно сделал все, чтобы убедиться самому, поскольку только проигрыш может указать мне на ошибки в собственной системе. Так же как только победа подтверждает мою правоту. Вот в чем уникальность спекуляций на бирже.

Был погожий день, рынок бурлил. Это каждый раз приводит в отличное расположение духа. Оказавшись за тысячи миль от дома, я ощущал себя как рыба в воде. Напротив меня висела давно ставшая привычной котировочная доска, и на ней было все, в чем я научился разбираться еще тогда, когда был четырнадцатилетним юнцом. Тут был мальчишка, выполнявший ту же работу, которой занимался я в своем первом бакет-шоппе. Тут находились игроки, ничем не отличавшиеся от игроков в других конторах, и они так же вглядывались в котировки на доске или спорили о биржевых новостях, устроившись у телеграфного аппарата. Все вокруг было привычно и знакомо. Обстановка была та же, что и тогда, когда я положил в карман свои первые 3 доллара 12 центов, выигранные на акциях Burlington. Игроки, тикерная лента, доска — те же. Значит, и игра будет та же. В свои 22 года я был уверен, что изучил секреты игры вдоль и поперек. Да и были ли причины не верить?

Я присмотрел кое-какие ценные бумаги на котировочной доске. Их поведение полностью

соответствовало моим прогнозам. Я приобрел сто штук по 84 доллара, не прошло и часа, как продал их уже по курсу 85. Следом мое внимание привлекло еще кое-что интересное, и, пойдя по тому же пути, я очень быстро нажился на $\frac{3}{4}$ пункта. Отлично для первого раза, не правда ли?

Только это было всего лишь началом. Едва открыв счет в приличной брокерской компании, относящейся к нью-йоркской бирже, я за два часа провернул операции больше чем с тысячей акций. Но потерял более тысячи долларов. Получается, что с первого захода в непривычных условиях мой убыток составил чуть ли не половину всего, с чем я приехал в Нью-Йорк. Не будем забывать, что были и выигрышные ставки. Но прибыли оказались значительно мельче убытков, в итоге я расстался с 1100 долларами.

Сильного беспокойства потеря у меня не вызвала, потому что я не замечал, где просчитываюсь. Мои шаги были толковы, и, если бы играл я, например, в *Cosmopolitan*, выигрыш был бы гарантирован. То, что привычный метод не дал ожидаемого результата и поезд свернул не туда, наглядно подтвердила потеря 1100 долларов. Но ведь машинист все делает по правилам, а значит, нет поводов для беспокойства. Когда тебе едва за двадцать, неискушенность можно понять и простить.

Через пару-тройку дней я сделал вывод, что привычная система игры не работает — телеграфный аппарат не дает подсказок, но искать, в чем причина, не стал. Я так и торговал в знакомой манере, уходя то в плюс, то в минус, пока не оставил в бакет-шопе все до цента. Именно тогда я убедил Фуллертон одолжить мне 500 долларов. После чего, как вы уже

знаете, возвратился из Сент-Луиса с кругленькой суммой, сколоченной в местных бакет-шопах с помощью того самого метода, который всегда приводил меня к выигрышу.

Вернувшись в Нью-Йорк, я начал спекулировать осмотрительнее, некоторое время я греб деньги лопатой. Жизнь стала интереснее. У меня появились друзья, с которыми отлично можно было скоротать вечерок. Я — одинокий двадцатидвухлетний парень с легкими деньгами в карманах, все сильнее верил, что мне уже открываются секреты непривычной пока игры.

Я понял, что мое распоряжение о продаже поступает к оператору на биржу не мгновенно, и торговал уже осмотрительнее. Но мои расчеты до сих пор опирались на тикерную ленту, и поэтому я все еще не замечал некоторых основных принципов игры и до тех пор, пока не открыл их для себя, не понимал, в чем уязвимость моего метода.

В 1901 году экономика была на подъеме, и мне удалось очень даже неплохо заработать — неплохо для парня, которому не стукнуло еще и двадцати трех. Оглянитесь на ту эпоху. Штаты преуспевали. Наступили времена слияния промышленных компаний, объединения капиталов и небывалого интереса людей к биржевым спекуляциям. До того пиком активности на Уолл-стрит были дни, когда в операциях покупались и продавались 250 тысяч акций номинальной стоимостью 25 миллионов. В 1901 году за день

Только проигрыш может указать мне на ошибки. Так же как только победа подтверждает мою правоту.

акций из рук в руки переходило в 10-12 раз больше! Только ленивый тогда не пытался заработать, играя на бирже. В Нью-Йорк к тому моменту съехались финансовые акулы сталелитейного бизнеса — куча миллионеров, разбрасывавших деньги направо и налево. Их тянуло на биржу, словно магнитом. Как раз в то время и вышли на сцену самые видные игроки Уолл-стрит: Джон Гейтс с его нашумевшим «Ставлю миллион!», его приятели Джон Дрейк и Лоял Смит. Надо упомянуть и троицу Рейд, Лидс и Мур, продавшую часть своих активов и на полученные средства прикупившую контрольный пакет железнодорожной компании Rock Island. Можно вспомнить еще Шваба, Фрика, Фиппса и «питтсбургский кружок», не упоминая кучу людей, затерявшихся в блеске этих толстосумов, но бывших до того весьма солидными игроками. На фондовый рынок заявлялись дельцы, в чьих силах было одним махом скупить, а потом продать чуть ли не весь рынок разом. Например, Кин, в сущности, основал рынок для ценных бумаг U. S. Steel. Как-то даже один брокер продал пакет в сотню тысяч акций меньше чем за пять минут. Необыкновенная была эпоха! И выиграть тогда можно было просто невероятные деньги. К тому же налоги с таких прибылей никто не собирал! День расплаты даже не маячил в обозримом будущем.

Само собой, почти сразу же старые биржевики начали предрекать ужасные последствия и объявлять всех (кроме себя, конечно же) сумасшедшими. Но все вокруг, кроме них, сколачивали капиталы. Разумеется, я понимал, что такой рост вечно продолжаться не может и в один прекрасный день неистовой скупке всего вокруг наступит конец. По этой

причине я периодически вступал в ряды «медведей», рассчитывая на падение цен. Но мои попытки вели тогда лишь к проигрышам, и я бы спускал в разы больше, если бы не реагировал на ситуацию мгновенно. Я подстерегал благоприятный момент, но торговал с оглядкой (уходя в плюс, ставя на повышение, и в минус — играя на понижение), вот почему я не особо разбогател на подъеме, хотя если вспомнить мой размах, когда я делал ставки еще ребенком, можно было ожидать большего.

Были только одни акции, на которые я не ставил на понижение, — бумаги железнодорожной компании Northern Pacific. Тут меня выручал навык чтения тикерной ленты. Я думал, что почти все акции выросли до максимума, но акции Northern Pacific росли так, словно для них предела не существовало. Сейчас-то мы в курсе, что обыкновенные и привилегированные бумаги компании приобретала фирма Куна, Лёба и Гарримана. Я тогда тоже взял 1000 обыкновенных акций указанной железной дороги и не избавлялся от них, хотя все в нашей конторе советовали мне продать их. Когда они выросли до 110, я был в плюсе уже на 30 пунктов. Тогда я продал их, и мой брокерский счет вырос почти до 50 тысяч. Раньше такую сумму мне еще не получалось сколотить. Было весьма недурно для парня, пару месяцев назад только проигрывавшего в этой конторе.

Как я уже говорил, группа Гарримана ясно показала Моргану и Хиллу, что собирается завладеть пакетами акций железнодорожных компаний Burlington, Great Northern и Northern Pacific, уже образовавших трест. Агенты Моргана отдали распоряжение Кину приобрести 50 тысяч акций Northern

Pacific, пытаясь оставить контрольный пакет акций в своих руках. Поговаривали, что Кин подсказал Роберту Бэкону купить пакет в 150 тысяч акций, и банкиры последовали его совету. Так или иначе, Кин отправил своего брокера Эдди Нортон на биржу, где он и обзавелся 100 тысячами акций Northern Pacific. Следом поступило новое распоряжение: купить еще 50 тысяч акций. Затем и произошел небезызвестный корнер. Когда 8 мая 1901 года были закрыты торги, все узнали о битве могущественных магнатов. Впервые в истории Штатов возникло противостояние настолько грандиозных капиталов. Гарриман против Моргана, непобедимая мощь против несокрушимой цитадели.

Утром следующего дня я зашел в контору с без малого 50 тысячами долларов в кармане и без единой акции. Помните, я уже упоминал, что иногда играл за «медведей», и вот тут-то и разглядел великолепный шанс. Я понимал, что того и гляди произойдет невероятное обрушение, которое откроет возможность купить некоторые бумаги за бесценок. Затем рынок стремительно восстановится, давая шанс неимоверно разбогатеть тем, кто приобрел акции сразу после обвала. Не требовалось быть великим Холмсом, чтобы понять это. Нам представился случай получить не просто огромные, но еще и гарантированные деньги.

Все случилось, как я ожидал. Я был прав и проиграл все дочиста. Произошло то, что предугадать было просто нереально. Но без непредвиденных ситуаций жизнь была бы пресной и унылой. Спекуляции определялись бы одними вычислениями, и мы превратились бы в бухгалтеров — прилежных и недалеких.

Именно старание определить будущее оттачивает человеческий ум. Вдумайтесь, сколько надо приложить усилий, чтобы попасть в точку.

Биржа, как я и думал, изо всех сил бурлила. Размах операций был непомерным, скачки котировок — немислимыми. Я открыл несколько коротких позиций. При взгляде на цены открытия торгов со мной чуть не случился припадок: обрушение было грандиозным и молниеносным. Мои брокеры старались изо всех сил. Они были рьяными профи, но к тому сроку, как они выполняли мои распоряжения, акции опускались еще на 2 десятка пунктов. Телеграф отставал от рынка. Из-за невероятной скорости колебаний данные с тикерной ленты не поспевали за рыночными реалиями. Увидев, что ценные бумаги, по которым брокеры открыли для меня короткие позиции, когда по данным с телеграфа они стоили, допустим, по 100, к моменту выполнения распоряжения котировались уже по 80, утратив 30-40 пунктов по отношению к цене закрытия накануне, я понял: это и есть та цена, по которой я собирался покупать акции, а не продавать без покрытия. Думая, что котировки в своем снижении, скорее всего, не собираются пробить дно океана, я принял решение перекинуться на сторону «быков» и начать играть на повышение.

Тогда наши брокеры на бирже начали покупать. Не по той цене, которую я выбирал в конторе, а по курсу биржи на момент получения моих приказов. В итоге бумаги вставали мне где-то на полтора десятка пунктов дороже, чем я ожидал. Убыток же в 35 пунктов за день вынести невозможно.

Против меня сыграло то, что информация с тикерной ленты заметно отставала от фактической

ситуации на бирже. Телеграф был для меня всегда лучшим помощником, потому что мои прибыли зависели от данных ленты, но тут он сыграл со мной злую шутку. Разница между котировками с него и котировками на рынке привела меня к краху. Провал явно показал мне причину всех предыдущих поражений: по сути, я проигрывал все время из-за одного и того же. Наконец я ясно увидел, что навыка работы с лентой мало — вне зависимости от быстроты выполнения моих приказов брокерами. Я поразился, что не смог заметить этого прежде.

К сожалению, я не только не углядел проблемы, я не вышел из игры, даже видя, что мои приказы выполняются с заметной задержкой. Понимаете, дело в том, что я не научился еще держать себя в разумных пределах. Когда давалась возможность, я раскручивал ее до конца. Ведь моя цель — обставить рынок, а не всего лишь дождаться определенного курса акций. Если я понимаю, что пора продавать, я так и делаю. Когда считаю, что цены поднимутся, — покупаю. Опора на такое общее правило торговли на бирже меня никогда не подводила. А спекуляции в узком ценовом охвате стали бы пустыми потугами приладить старую систему торговли в бакет-шопах к принципам игры в серьезных брокерских конторах.

Все мои старания сдерживать цены в распоряжениях брокеру, чтобы максимально снизить эффект опоздания цен с телеграфа по сравнению с настоящими ценами на рынке, давали мало результата — рынок всегда был на шаг впереди. И происходило такое сплошь и рядом, поэтому я решил остановиться. До сих пор не понимаю, почему у меня ушел

не один год на то, чтобы выяснить: взамен попыток спрогнозировать скорые котировки, торговать стоит на будущее, предвидя события в масштабе.

После того позорного провала 9 мая я стал играть опираясь на измененную, но по-прежнему дефектную систему. Время от времени я все же выигрывал, и это задержало обучение секретам и тонкостям спекуляций на бирже. Доход от игры позволял мне жить на широкую ногу. Я с удовольствием отдыхал в кругу друзей. Тем летом я, как и множество других удачливых игроков, устроился на океанском побережье. Мои прибыли давали возможность не только покрыть проигрыши, но и позволить себе жить безбедно.

Я использовал свою старую систему не из-за собственной твердолобости. Я пока просто был не в состоянии отчетливо разглядеть суть проблемы, что не давало мне шанса избавиться от нее. В эти подробности я вдаюсь не просто так — хочу, чтобы вы представили путь, который я преодолел до того, как пришел к состоянию, давшему возможность реально срывать крупный куш. Для масштабной игры необходим серьезный пулемет, у меня же на руках было ветхое ружьишко.

К концу лета я вновь потерял все дочиستا и, измотанный постоянными проигрышами, принял решение покинуть Нью-Йорк и испытать фортуна где-то еще. Я занялся спекуляциями, когда мне еще не было пятнадцати. Не прошло и года, как у меня уже была первая 1000, а в 21 я имел на руках первые десять тысяч. Я не раз проигрывался в пух и прах и снова шел в гору. В Нью-Йорке я зарабатывал тысячи долларов и затем упускал их. Сколотив

50 тысяч, я через пару дней проиграл их. Я не был знаком с каким-либо другим занятием, кроме спекуляций на бирже. И, отдав ей столько лет, я опять очутился на том уровне, с которого когда-то начинал. Даже, пожалуй, значительно худшем. Я привык к роскошной жизни, требующей немалых расходов, обзавелся привычками не по карману. Правда, намного сильнее меня беспокоило то, что я из раза в раз давал маху.

ГЛАВА 4

Я поехал домой. Хотя ни минуты не сомневался, что предназначение у меня одно и, пополнив кошелек, я непременно вновь окажусь на Уолл-стрит. Другого места, где я мог бы вернуться по-настоящему, в стране просто не было. И в тот миг, когда моя игра пойдет на лад, нью-йоркская биржа мне будет необходима. Когда мы правы, мы жаждем получить все, что может пригодиться, лишь бы подтвердить правоту.

Не строя каких-либо иллюзий, я все же рискнул испытать судьбу в местных бакет-шопах. Многие конторы закрылись, некоторые сменили владельцев. Те, кто остались, и близко не подпускали меня, не вникая ни в какие мои рассуждения. Я объяснял, что дочиста проигрался в Нью-Йорке и понял, что разбираюсь в спекуляциях на рынке значительно хуже, чем думал, а значит, у них нет повода для опасений, и я могу играть, так же, как все. Но я зря старался — они стояли на своем. А в новых бакет-шопах особой надежды нажиться не было — там считали, что игроку хватит двух десятков акций, если существует какой-то шанс, что он не прогадал.

Я нуждался в деньгах. У самых солидных тамошних заведений их хватало — они по-прежнему обдирали своих завсегдатаев как липок. Тогда я обратился к своему другу с просьбой сходить со мной в бакет-шоп и сделать ставки вместо меня. Войдя

в контору, я попробовал убедить менеджера взять у меня мелкий заказ — лишь на пять десятков акций. Разумеется, все было бесполезно. Мы с другом договорились о тайных сигналах, чтобы он мог вести торговлю, когда получит нужный знак от меня. Но наша попытка не дала особых результатов. В конторе вскоре начали с подозрением поглядывать на моего друга. Когда же он захотел продать 100 акций St. Paul, то просто получил отказ.

Потом стало известно, что один игрок, регулярно толкавшийся в той конторе, заметил нашу беседу возле бакет-шопа и поделился этим с местным управляющим. Неудивительно, что когда мой друг захотел открыть короткую позицию на бумаги St. Paul, клерк дал ему от ворот поворот:

— Заказ на продажу St. Paul мы не примем, по крайней мере от вас.

— С чего вдруг так, Джо? — недоумевал мой друг. — Что стряслось?

— Ничего. Ваше поручение мы не примем.

— Вам ни к чему деньги? Вот они. Держите.

С этими словами мой подельник с оскорбленным видом взмахнул сотней долларов прямо перед носом клерка. Я в тот момент был в двух шагах от стойки и, сохраняя напускное равнодушие, наблюдал за сценой. Но многие игроки стали собираться к очагу заварухи. Им важно было выяснить, не связана ли она как-то с платежеспособностью конторы.

Джо, бывший кем-то наподобие правой руки управляющего, покинул свое рабочее место, встал напротив моего друга, взглянул на него, потом перевел взгляд на меня.

— Забавно, — протянул он, — даже очень забавно, что вы не даете никаких поручений, если рядом нет вашего приятеля Ливингстона. Вы можете полдня наблюдать за доской. Молчите и смотрите. Но как только заходит Ливингстон, вы тут как тут. Не исключено, что торгуете вы сами, но торговать в нашем заведении вы отныне не можете. Мы не горим желанием пойти по миру оттого, что вам подыгрывает Ливингстон.

Вот так и эта возможность пополнять кошелек закрылась. Мне, конечно, удалось отложить несколько сотен, и я уже думал, какое найти им применение, чтобы сколотить сумму побольше и отправиться в Нью-Йорк, куда тянуло все с большей силой. Меня не покидало ощущение, что там я, вступив в игру заново, добьюсь победы. Времени, чтобы проанализировать свои просчеты, хватало, да и на расстоянии все виделось отчетливее. Насущный вопрос был один: как заработать?

В один прекрасный день я разговорился в холле отеля с парой-тройкой знакомых по бакет-шопам. Беседа касалась фондового рынка. Я высказался, что обставить его невозможно, поскольку брокеры не в силах исполнять распоряжения своевременно, тем более если торгуешь на бирже.

Один из приятелей взглянул на меня и поинтересовался, о каких именно брокерах идет речь.

— О крутых профи, — был мой ответ.

Но мой собеседник не оставил расспросы. Вероятно, он сомневался в том, что мне доводилось играть в лучших брокерских компаниях.

— Я говорю о любом брокерском заведении, имеющем членство на Нью-Йоркской фондовой

бирже, — уточнил я. — Проблема не в том, что они плохо знают свое дело или пытаются нагреть вас. Беда в том, что, распоряжаясь покупать, ты никогда не угадаешь, почему будут эти бумаги, пока брокер не сообщит тебе об их цене в отчете. Обычно курс меняется сразу на пару пунктов, а не на десяток-полтора. Но трейдер, если он не находится в зале самой биржи, не может вовремя замечать мелкие изменения из-за того, что его распоряжения выполняются с задержкой. Само собой, я бы выбрал постоянную игру в бакет-шопах, если бы они давали шанс торговать по-крупному.

Моего собеседника, так подробно расспрашивавшего меня, раньше я не встречал. Звали его Робертс, и он казался весьма расположенным к моей персоне. Робертс вывел меня из кружка знакомых и поинтересовался, доводилось ли мистеру Ливингстону играть на других биржах. Мой ответ был отрицательным. Тогда он сказал, что знает компании, относящиеся к Нью-Йоркской хлопковой бирже, Нью-Йоркской продовольственной бирже и к некоторым не столь крупным биржам. Они весьма заботливы по отношению к своим клиентам и очень бдительно следят за правильностью и быстротой выполнения их распоряжений. Робертс упомянул, что фирмы поддерживают довольно дружественные связи с самыми солидными домами Нью-Йоркской фондовой биржи. И раз уж они такие серьезные и значимые клиенты этих домов, создающие им каждый месяц обороты в сотни тысяч ценных бумаг, отношение к ним значительно трепетнее и заботливее, чем к какому бы то ни было отдельному клиенту.

— Они в самом деле пестуют всех своих клиентов, даже самых скромных, — уточнил мой новый знакомец. — Эти конторы работают в основном с игроками из провинции и так же заботливы к тому, кто дает поручения на 10 акций, как и к тому, кто дает поручения на 10 тысяч. К их профессионализму и порядочности не придерешься.

— Интересно, ради чего они стараются, если отдают одну восьмую пункта комиссионных биржевой компании?

— Как бы да, — хитро прищурился Робертс. — Принято считать, что они платят именно такую долю. Но вы же знаете, как это делается.

— Знаю, — согласился я. — Только есть одна за-
кавыка. Члены биржевого
комитета простят вам скор-
рее убийство или грабеж

Я бы выбрал
постоянную игру
в бакет-шопах, если
бы они давали шанс
торговать по-крупному.

среди бела дня, чем попытку урезать их драгоценную восьмую долю за обслуживание посторонних. Такова основа основ существования самой биржи.

Мой собеседник наконец убедился, что я знаком с законами фондовой биржи не понаслышке, и выдал:

— Вы разве не в курсе, что то у одной, то у другой вполне благопристойной биржевой компании приостанавливают членство на год как раз за подобные грешки? Есть столько лазеек, чтобы провести такую скидку, и комар носа не подточит. — Заметив мое выражение лица, Робертс продолжил, чтобы рассеять сомнения: — Да и вообще, есть сделки, с которых такие брокерские конторы берут дополнительно к одной восьмой комиссию в одну тридцать вторую.

Правда, они в таких вопросах очень корректны. Одна тридцать вторая оплачивается только в редких случаях, ну, например, если счет клиента неактивен. Их ведь тоже можно понять — велик риск остаться без прибыли. А работают они, само собой, не исключительно ради удовольствия.

К концу его речи я уже сообразил, что мне хотят подсунуть неких лжеброкеров.

— У вас на примете есть такие фирмы? — спросил я и уточнил: — Я имею в виду те, которым можно доверять.

— О, да, — последовал ответ. — Крупнейшая в стране компания! Я сам пользуюсь их услугами. Их отделения есть в куче городов Штатов и Канады. Дело там поставлено на широкую ногу. Смогли бы они так долго оставаться на плаву, если бы не соблюдали правил и не заботились о своих клиентах как положено, согласитесь?

— Согласен, — кивнул я. — А торговля у них идет теми же бумагами, что и в Нью-Йорке на фондовой бирже?

— Разумеется! Акции Нью-Йоркской фондовой биржи, акции со всех бирж Штатов и Европы! Вы можете выбирать — металлы, зерно, продовольствие, хлопок — что захотите. Они являются членами всех бирж, везде наладили связи и партнерство, если не явно, то за кулисами.

Мне уже все было ясно, но хотелось припереть его к стенке.

— Здорово! — улыбнулся я. — Только ведь мои приказы кто-то должен выполнять на самой бирже. А главное — нет такого человека, кто точно скажет, чего ждать от цен на рынке и как близко будут

котировки с телеграфа к котировкам из зала биржи. Пока я на месте прочитаю данные с ленты, отправлю приказ оператору на биржу, пока он получит мои распоряжения, потеряется столько времени! Проще будет отправиться обратно в Нью-Йорк и там опустошать свой кошелек в солидной компании.

— Опустошать свой кошелек — что-то новое. Наши клиенты не знают такой фразы. Они кошельки набивают, а не опустошают. Наша работа — помогать им в этом!

— Вашим клиентам?

— Э... Я просто пайщик в фирме. Когда у меня получается подобрать им клиента, я обычно отвечаю добром на добро, ведь они всегда заботились обо мне, с их помощью я не раз срывал куш. Если есть желание, легко сведу вас с менеджером.

Я поинтересовался, что за фирма. Робертс сказал, как она называется. Трудно было не узнать ее. О ней трубили в прессе, привлекая внимание читателей небывалыми барышами, нажитыми теми, кто воспользовался их инсайдерскими подсказками по поводу активных ценных бумаг. Таков был конек данной лавочки. Она оказалась вовсе не бакет-шопом в привычном понимании, а компанией жуликов, которая проворачивала свои откровенные аферы на бирже, умело прикрываясь видимостью полной законности своих махинаций. Среди контор, промышлявших подобным надувательством, она стояла у самых истоков.

Я бы назвал такие заведения прообразом нынешних псевдоброкеров, которые прогорают десятками, если не сотнями. Их система и манера махинаций практически не изменились, отличаются, пожалуй,